

«За вас и за многих...».

Богослужение в лютеранской Церкви

Издание подготовлено Религиозной духовной образовательной организацией дополнительного профессионального образования «Теологическая Семинария Евангелическо-Лютеранской Церкви»

Автор текста: А. В. Тихомиров

www.luther-theology.ru
t.me/luthertheology

Издание может публиковаться, распространяться, перепечатываться без ограничений при условии наличия ссылки на Семинарию и отсутствия изменений, сокращений или добавлений в тексте.

Санкт-Петербург

2025 г.

Эта брошюра предназначена для членов наших общин, которые хотят больше узнать о том, что такое богослужение, какова его история, и в чем смысл его отдельных частей. Она для тех, кому важно быть не пассивными наблюдателями в церкви воскресным утром, а активно и осознанно участвовать в происходящем, глубоко понимать и по-настоящему проживать богослужение.

Полезна эта брошюра будет и всем интересующим лютеранством, его богословием и традициями.

Это не исчерпывающее пособие по литургике (науке о богослужении), а элементарный путеводитель по миру лютеранского богослужения, импульс для дальнейших самостоятельных размышлений и молитв.

Оглавление

В чем смысл богослужения?	5
Как возникло лютеранское богослужение?	7
Каковы «языки» богослужения?	11
Слово и Таинство	11
Музыка	13
Изображения	15
Архитектура, интерьер церкви и облачения служителей	16
Из каких частей состоит богослужение?	19
Вотум	19
Салютация	20
Вступительный псалом (интроит)	21
Исповедание и отпущение грехов	21
«Господи, помилуй»	23
«Слава в вышних Богу»	24
Молитва дня (Коллекта)	25
Библиейские чтения	25
Символ веры	27
Проповедь	28
Большая церковная молитва	29
«Отче наш»	30
Сбор пожертвований	31
Причастная часть	32
Благословение	35

В чем смысл богослужения?

Мартин Лютер в 1545 г. так описал суть богослужения: «(Это) когда наш Господь сам говорит с нами в Слове и Таинстве, а мы с Ним – через молитву и хвалебное пение».

Богослужение – это наш диалог с Богом. Причем, это *настоящий* диалог. Мы не просто вспоминаем о том, как Бог когда-то, в библейские времена, встречался с людьми. Мы говорим с Ним *здесь и сейчас*. Здесь и сейчас Он действительно и заново обращается к нам через слова Священного Писания, через формулу отпущения грехов, через проповедь и через хлеб и вино Причастия. Когда на богослужении возвещаются прощение грехов и спасение, – то они в этот момент реально приходят и осуществляются среди слушающих и среди вкушающих причастные дары.

Итак, происходящее на богослужении – не урок, не напоминание, не подражание, а реальное откровение и совершение Божьей милости и прощения в конкретном месте, с конкретными людьми и в конкретное время. Соответственно, и произносимое нами на богослужении не должно быть простым повторением заданных формул, но живым и честным откликом на чудо Божьего спасения в Его непосредственном присутствии.

При этом, однако, в богослужении довольно мало частей, которые внешне однозначно были бы Божьим Словом или, напротив, словом человеческим. И то, и другое большей частью тесным и сложным образом переплетено друг с другом: в одних и тех же текстах, в одних и тех же музыкальных произведениях, в одних и тех же действиях.

Однако богослужение не исчерпывается своим главным назначением. Вот, например, такой орган человеческого тела как рот. Он служит и для еды, и для разговора, и для дыхания, и для поцелуев. Так же и богослужение имеет множество смыслов, дополняющих главный. Например:

- Богослужение – это особое религиозное действо, встреча с таинственным, сверхъестественным, иномирным, которая переживается и выражается в особых ритуалах и особой атмосфере. Стремление собираться для совершения религиозных ритуалов, для получения особого сакрального опыта едва ли не врождено человеку. Богослужения совершались во всех человеческих культурах и во все времена.
- Богослужение – это праздник, где все иначе, чем среди будней: звучит красивая музыка, мы вместе поем, собираемся за одним столом Господним, переживаем вдохновляющие моменты в проповеди.
- Богослужение – это общественный акт, в котором община заявляет о себе, показывает себя миру, но и сама вслушивается в его нужды и радости, приносит их к Богу в молитве. На богослужении община может в определенной мере (например, через объявления) заниматься и своими текущими организационными вопросами.

Лютеранское богослужение имеет множество граней и оттенков. Для кого-то важнее одни, для кого-то другие. Но все же центральным моментом остается встреча с Евангелием, то есть с вестью о Божьей любви и спасении, которое дается нам в Иисусе Христе.

Как возникло лютеранское богослужение?

Никакое действие или акт, совершаемые группой людей, не могут происходить беспорядочно. Это касается и богослужения. Оно имеет свою структуру и свой выверенный «сценарий».

Однако и здесь не все так просто. Порядок лютеранского богослужения складывался на протяжении тысячелетий и это развитие не всегда проходило логично и строго.

Отметим лишь несколько важных этапов развития богослужения на христианском Западе.

- Самые первые христиане были в большинстве своем иудеями и еще не воспринимали христианство как отдельную религию. Поэтому на *богослужения* они ходили в иерусалимский храм или в синагоги. Однако отдельно от других они собирались по вечерам за столом в частных домах, где вместе ели и пили, одновременно совершая Вечерю Господню, говорили и читали Писание. Изначально такие встречи понимались не как богослужения, а просто как общие застолья.
- В начале второго века общие встречи христиан стали чаще происходить по утрам. Поэтому они естественным образом постепенно теряют характер во многом свободной совместной трапезы, становятся все больше формализованными, начинают пониматься именно как *богослужения*. Так христианство отделяет себя от иудаизма, но при этом в структуре своих служб оно многое заимствует из синагоги.

- Когда христианская Церковь в IV в. становится государственной, то ее богослужения делаются публичными и многолюдными. Священники и епископы приравниваются к государственным чиновникам с соответствующими пышными одеяниями, а богослужение включает в себя элементы придворных церемоний.
- На протяжении Средних веков порядок богослужения («мессы») все больше усложняется. Простые верующие становятся пассивными в его процессе, уже хотя бы потому, что большинство из них не понимает латыни, на которой месса совершается. Постепенно из главного богослужения исчезает проповедь, а Причастие начинает пониматься, как повторение голгофской жертвы Христа, простое присутствие при котором дает людям «баллы» на небесах.
- В эпоху Реформации Лютер, как и другие реформаторы (каждый немного по-своему), вновь делает проповедь обязательной и центральной частью богослужения, упрощает его порядок, переводит его на народный язык, призывает простых верующих к активному участию в ходе богослужения, прежде всего, через общее пение, убирает все, что противоречит вести о спасении только во Христе.
- В XVIII веке под влиянием Просвещения и пиетизма порядок богослужения во многих лютеранских церквях чрезмерно упрощается, из него выпадает все «неразумное», «средневековое», исчезают многие ритуальные элементы. Фактически такое богослужение сводится к проповеди (похожей на лекцию), молитвам и общинному пению.

- В первой половине XIX века в протестантизме вновь пробуждается интерес к традиции и к древности, происходит «Литургическая реставрация», благодаря которой в богослужение возвращаются многие утерянные элементы, хотя порой это порой происходит непоследовательным и произвольным образом.
- Во второй половине XX века совершается «Литургическое обновление», в рамках которого в богослужение возвращается еще больше традиционных элементов, в том числе и некоторые из тех, что были утеряны еще в ходе Реформации, исправляются отдельные ошибки, допущенные в XIX веке.

В итоге, в лютеранстве отсутствует единый, обязательный для всех порядок богослужения. В каждой отдельной Церкви и даже во многих общинах он может иметь свои сложившиеся в ходе истории особенности и порой серьезные отличия от других порядков. Такое положение дел нужно рассматривать не как неудобный недостаток, а как особенное богатство, явленное в разнообразии традиций.

Кроме того, лютеранское богослужение в любом случае представляет собой сложный и подвижный организм, который рос среди порой противоречивых перипетий истории. Структура богослужения, конечно, определяется внутренней логикой происходящего. Но не только. В ней можно услышать много отзвуков неоднозначных и не вполне линейных исторических процессов. В каждом богослужении можно и сегодня найти следы идей, чаяний, заблуждений и открытий многих эпох истории человечества. Однако это и придает ему особое очарование. Оно похоже не на механическую конструкцию, где у каждой детали есть своя заранее предопреде-

ленная строгая функция, а, скорее, на живое растение, которое тянется вверх само по себе и которое нельзя свести к одной математической формуле целесообразности.

По праздничным дням или в особых случаях порядок богослужения может довольно сильно изменяться. Также во многих общинах и Церквях наряду с обычным порой проводятся и различные нестандартные богослужения в новой форме, например, для молодежи. Важно, однако, чтобы никакие периодические изменения или новые богослужebные формы не умаляли ценности традиционного, сложившегося на протяжении тысячелетий порядка.

Каковы «языки» богослужения?

Для разговора Бога с общиной нужен соответствующий язык. Сейчас речь идет не о языке в буквальном смысле: русский, немецкий, английский и т. д. Под словом «язык» в этом разделе подразумеваются те средства, при помощи которых реализуется передача евангельской вести, а община дает на нее свой ответ.

Из множества таких средств выделим лишь некоторые:

Слово и Таинство

Бог открывается в своем Слове. Это высказывание является центральным для лютеранского вероисповедания.

Мартин Лютер в свое время осознал: если мы остаемся честными по отношению к самим себе и Богу, то в себе самих никаких оснований для нашего спасения мы не увидим. Спасение Бог дает нам не из-за наших стараний, молитв, духовных свершений, а только благодаря Христу. Но об этом спасении мы узнаем лишь из рассказа о нем. Соответственно, о совершившемся спасении человеку нужно *сказать*.

Таким образом, наше спасение и вечная жизнь не связаны со степенью нашего собственного «духовного» или нравственного совершенства. Они даются исключительно извне нас, в обетовании Бога, в его Слове. Единственная основа для нашей надежды – это слово о спасении во Христе, которое в терминологии лютеранской Церкви именуется Евангелием. Это обещание Бога, что он любит нас и что Он спасет нас независимо от того, что для своего спасения можем сделать мы сами. Услышать это обещание, принять и держаться его вопреки знанию о своей греховности и вопреки тем

принципам воздаяния, что царят в мире – это и есть вера в лютеранском понимании.

Причем, согласно самому Лютеру, мы верим Слову обетования потому, что никакой другой надежды у нас просто нет. Если бы его не было, то мы могли быть уверены только в собственном проклятии. Это Слово словно единственная «соломинка», за которую хватается погибающий человек.

Мы уже отметили: о совершившемся спасении человеку нужно сказать. Но важно еще одно: Слово Евангелия необходимо возвещать человеку *снова и снова*, чтобы снова и снова он мог обрести веру и обновляться в ней. Будучи возвещаемым, спасительное Слово не просто рассуждает о спасении, оно непосредственно дает его нам. Провозвестие Евангелия можно сравнить с судебным приговором: он вступает в силу в момент его оглашения. Именно зачитывание приговора делает его действительным. Точно так же и произнесение евангельской вести приносит спасение тем, кто слышит и принимает ее здесь и сейчас. В этом смысле каждое богослужение в лютеранской Церкви - подобно суду, на котором человеку напоминают о его грехе, но и произносят оправдательный приговор от имени Бога.

Провозвестие Евангелия действует, оно меняет реальность, оно переворачивает отношения человека и Бога каждый раз, когда оказывается возвещено, - если на то будет воля Бога, выраженная в действии Святого Духа. Каждое провозвестие евангельской вести – это непосредственный акт Божьей любви, это откровение Бога здесь и сейчас, это высшее священнодействие.

Именно поэтому в центре лютеранского богослужения стоит проповедь, которая и есть возвещение Божьего спасения на понятном, актуальном и близком для конкретных людей языке. Но евангельское провозвестие наполняет и чтения Священного Писания, песнопения. Оно содержится и в других богослужбных текстах.

Важно еще одно: Слово Евангелия достигает участников богослужения не только через речь. Оно приходит и иным, особенным, образом: в виде хлеба и вина на Причастии. Таинства (то есть Крещение и Причастие) – это тоже форма Слова, это способ возвестить Божье прощение и любовь человеку самым что ни на есть материальным образом. Я могу засомневаться, касается ли именно меня слово прощения грехов, сказанное на богослужении пастором, но я никак не могу усомниться, что в Крещении Божья любовь физически прикасается ко мне водой. В Евхаристии же я принимаю это спасительное Слово самым буквальным, телесным образом внутрь себя. В некотором смысле, Таинства можно сравнить с невербальными знаками, которыми мы также пользуемся в повседневной коммуникации и которые в определенных обстоятельствах могут быть сильнее обычных слов, например, с рукопожатием или объятиями.

Музыка

Огромную роль в жизни лютеранской церкви играет музыка. Лютеранское богослужение почти невозможно представить себе как без инструментальной (чаще всего органной) музыки, так и без общинного пения.

Уже с самого начала движение Реформации завоевывало новых сторонников не в последнюю очередь своим пением. Сегодня это могут быть переложенные на современный язык древнецерковные песнопения, хоралы времен Реформации (некоторые из которых были написаны самим Лютером), песнопения более поздних времен, современные духовные песни из разных стран и традиций.

При этом музыка – не просто «украшение» богослужения. Ее значение куда больше! Музыка для Лютера - еще одна форма Божьего

откровения. Она, конечно, уступает прямому Слову провозвестия, но ненамного. Музыка имеет отношение к нашему спасению. Во-первых, она является предвкушением и предощущением того, что ожидает нас в вечности. Однажды Лютер сказал: «Если Господь наш Бог в этой жизни, которая подобна отхожему месту, дает нам столь благородные дары, то, что же мы получим в жизни вечной, где все будет совершенно и изумительно?!». Во-вторых, музыка достигает практически такого же эффекта, что и Евангелие, которое, давая спасение, приносит радость, мир и покой человеческой душе. Лютер утверждал: «Наряду с теологией она одна дает нам (...) мир и покой в душе».

Именно поэтому лютеранское богослужение невозможно представить себе без музыки. Она – еще один «язык», на котором Бог обращается к нам, а мы отвечаем Ему. Современный немецкий богослов Мартин Николь пишет: «Евангелическое богослужение с самого начала представляло странную красоту Божьего времени через звук. В церковной музыке, которая наряду с проповедью является нашим главным «фирменным знаком», мы всегда отвечали на эстетические вызовы таким образом, который трогал людей. Евангелическая церковная музыка нашла такой отклик потому, что она, во-первых, позволяет услышать нечто из красоты Божьей и, во-вторых, потому что она превращает общину в ансамбль, который (...) своим пением прорывается в Божье время».

Повторим: даже инструментальная музыка является формой Божьего откровения, а тем более песнопения, в которых два великих дара Бога, Слово и музыка, соединяются друг с другом.

Без имен таких церковных органистов и глубоко верующих лютеран, как, например, Дитрих Букстехуде или Иоганн Себастьян Бах невозможно представить себе мировую культуру. Поэтому нам и сегодня важно заботиться о качестве и достоинстве музыки, звучащей на богослужении.

Изображения

Среди первых реформаторов, да и среди некоторых современных евангельских Церквей были и остаются такие, чье отношение к церковным изображениям очень настороженное. Лютеранская Церковь не разделяет подобных опасений.

При этом мы понимаем церковные изображения несколько иначе, чем православная Церковь учит о своих иконах. Икона в православии – это своего рода отражение небесного мира. Обращаясь с молитвой к ней, верующие обращаются к тому, кто на ней изображен. Но и самой иконе подобает особое почитание (как мы почитаем, например, фотографии любимых людей). В лютеранской же традиции церковные изображения понимаются не как средство общения с небесным миром, а, скорее, как иллюстрации священной истории, помогающие лучше понять истины веры.

Соответственно, многие лютеранские церкви богато украшены картинами, витражами, фресками, скульптурами. Через них мы тоже можем прикоснуться к Евангелию, они же могут быть и нашим ответом на него. Созерцание прекрасных изображений может открыть нам новые грани веры, дать импульсы для важных духовных размышлений и переживаний. Поэтому, как и в случае с музыкой, лютеранская Церковь старается заботиться о том, чтобы изображения в наших церквях не были простым религиозным китчем, а имели художественную ценность. Однако у нас нет раз и навсегда прописанного канона изображений. Они могут быть выполнены в любом стиле, - от классической живописи до абстрактных картин.

Архитектура, интерьер церкви и облачения служителей

Великий лютеранский богослов XX века Пауль Тиллих писал: «Как и акт веры, возведение святилищ есть дерзновение». В самом деле, церковная архитектура, с одной стороны, призвана по-своему выражать истины нашей веры, с другой, любая церковь – это сооружение, которое для своей физической надежности должно соответствовать определенным техническим требованиям. Успешно сочетать одно с другим очень трудно. Архитектура в церкви, как ничто другое, показывает связь земного и небесного в нашей вере и в нашей жизни. Именно потому она так важна, как средство диалога с Богом.

Большинство классических лютеранских церковных зданий имеют узнаваемый облик. Он традиционен практически для всех западных церквей. В его основе античная базилика (так в древности именовались здания, предназначенные для публичных целей, в том числе и царские дворцы): вытянутое пространство, часто разделенное колоннами внутри на три продольные части (нефа) и заканчивающееся полукруглым пространством (апсидой). В церковной традиции базилика часто снабжается одной или двумя башнями-колокольнями.

Сегодня лютеранские церковные здания могут быть построены практически в любом архитектурном стиле, в том числе и очень современном. Каждый из них выражает свои аспекты нашей веры. Так, например, готика показывает неудержимую устремленность ввысь. Барокко – своего рода предвкушение небесной красоты. Классицизм настраивает на строгий и торжественный лад и т. д.

Однако даже если община собирается в простом молитвенном доме, его здание (часто перестроенное из обычного жилого) тоже является средством нашего разговора с Богом. Например, оно может напоминать о первохристианских трапезах в частных домах

или свидетельствовать о том, что наше общение с Богом происходит посреди обычной и простой повседневности.

Интерьер церкви также рассказывает о нашей вере и нашем исповедании.

Важными элементами церковного убранства являются:

- открытый алтарь (стол, на котором совершается Причастие), который обычно располагается в апсиде (т. е. в алтарном пространстве);
- кафедра, с которой пастор произносит проповедь. Она традиционно размещается на стене сбоку от алтаря;
- купель (как правило, в виде большой широкой чаши с водой на подставке), над которой совершается крещение. Ее обычно ставят сразу после входа в церковь или в алтарном пространстве;
- пульт для чтения Библии и объявлений, как правило, устанавливаемый на противоположной от кафедры стене на границе алтарного пространства.

Каждый из этих элементов по-своему служит общинному диалогу с Богом и является его зримым символом.

В большинстве западных Церквей (в том числе и в лютеранской) верующие во время богослужения сидят на скамейках или стульях. Это не только проявление заботы об удобстве для прихожан, здесь есть и богословские причины. Так люди могут лучше сосредоточиться на происходящем, внимательнее слушать Слово провозвестия и музыку. Кроме того, размещение прихожан на скамейках предотвращает их хаотические перемещения по церковному помещению и помогает им ощутить себя единой общиной, славящей Бога едиными устами (Рим 15, 6).

Церковные служители на богослужении, как правило, носят специальные облачения. Надевая облачение, пастор показывает прихожанам и себе самому, что теперь он действует не от своего имени, а выполняет церковные обязанности, выступает в роли публичного провозвестника Евангелия.

Как это часто бывает, в разных лютеранских церквях и здесь существуют различные традиции. Например, в большинстве скандинавских церквей пасторы и епископы носят облачения, восходящие к Средним векам и своей пышностью напоминающие, а то и превосходящие традиционные облачения католических служителей.

В немецкой традиции служители обычно используют талар (черную мантию), который изначально был официальной повседневной одеждой людей из образованных сословий (например, университетских профессоров или судей). Его носили и большинство реформаторов XVI века, а потому сегодня он напоминает нам о тех временах и тех духовных открытиях, которые тогда совершались.

Из каких частей состоит богослужение?

В этом разделе мы рассмотрим основные части лютеранского богослужения, коротко поговорим об их истории и значении.

Сразу нужно отметить: в России лютеранская Церковь долгое время пользовалась Агендами (Служебниками), ориентировавшимися на немецкие порядки, сформировавшиеся в XIX веке. После возрождения церковной жизни в конце XX века было создано несколько обновленных служебников, задуманных как общие для всей Церкви. Но во многих общинах закрепились и порядки, заимствованные из отдельных немецких партнерских Церквей или разработанные самостоятельно.

Таким образом, у нас нет абсолютно единого для всех общин богослужебного чина. Тем не менее, определенные, самые важные, части присутствуют практически в каждом богослужении (хотя их форма и расположение могут немного отличаться). К ним мы и обратимся.

Вотум

В начале богослужения служитель произносит: «Во имя Бога Отца, и Сына и Святого Духа», на что община отвечает своим «Аминь» (То есть: «Да, так и есть»). Эти слова (называемые *«вотумом»*) сигнализируют: то, что начинается сейчас отличается от любых других человеческих собраний и событий. В начале судебного заседания обычно звучит: «Во имя Российской Федерации». Это означает, что сейчас пойдет не простая дискуссия о вине и наказании, а будет выноситься официальный приговор от имени государ-

ства. Подобным же образом дело обстоит и с вотумом в начале богослужения: мы вступаем в особое время и пространство – время и пространство, принадлежащие Богу. Совершающееся на богослужении происходит от имени Бога и под знаком Его авторитета. Сейчас (даже если на богослужении мы в проповеди или молитвах будем касаться самых будничных вещей) речь в конечном счете будет идти о жизни и смерти, о спасении, о вечности, о величайших тайнах Вселенной. Вспомним, на каждом богослужении человеку реально дается оправдание и спасение ради Иисуса Христа.

Салютация

Эти слова могут звучать в разных местах богослужения. Пастор говорит или поет: «Господь да будет с вами!», а община отвечает «И с духом твоим». Это древнее христианское приветствие. В наших порядках оно, как правило, появляется не в начале, а несколько позже, перед Молитвой дня. Это произошло из-за того, что в средневековой мессе идущие сегодня перед салютацией части либо отсутствовали, либо звучали в исполнении хора. Священник впервые обращался непосредственно к общине только теперь. Не самое логичное расположение приветствия в нынешних порядках – один из следов сложных процессов формирования современного богослужения, своего рода «исторический памятник». Однако по своей сути, это все же фраза, которой пастор и община приветствуют друг друга, - даже если сейчас это по историческим причинам происходит и не в самом начале богослужения.

Вступительный псалом (интроит)

В Средние века ветхозаветный псалом пел хор пока служители торжественной процессией подходили к алтарю. В эпоху Реформации эту часть часто стали заменять общинным песнопением. В наших порядках в итоге сохранилось и то, и другое: и вступительное песнопение, и вступительный псалом. Сегодня интроит чаще всего читается пастором, иногда в чередовании с общиной. Как правило, это часть одного из ветхозаветных псалмов, который подходит к характеру данного воскресенья.

Читая псалом, мы свидетельствуем о ветхозаветных корнях нашей веры, присоединяем свои голоса к голосу библейского народа Израиля. Христианство возникло не на пустом месте, его появление было подготовлено тяжелой, яркой и сложной историей, о которой рассказывает Ветхий Завет. Еще задолго до рождения Христа верующие славляли истинного Бога и обращались к Нему в молитве. Мы принимаем их древние молитвы, их хвалу и их свидетельство, как свои. Тем не менее, в конце интроита на наших богослужениях звучит чисто христианское прославление триединого Бога. Этим мы заявляем: вера ветхозаветного Израиля преобразуется и приходит к своему полному осуществлению именно в христианском исповедании.

Исповедание и отпущение грехов

С исторической точки зрения это одна из самых сложных и размытых по своему значению частей богослужения. В средневековой мессе (которую Лютер использовал в качестве основы) исповедания и отпущения грехов, как правило, не было. Предполагалось, что исповедь может быть только частной, индивидуальной. Однако

перед началом мессы священники часто молились о благословении предстоящего богослужения и в эту молитву включалось признание их собственного недостойнства перед лицом такого великого служения.

Затем, в эпоху Реформации и после нее, многократно делались попытки встроить в лютеранское богослужение теперь уже настоящую общую исповедь всей общины и отпущение грехов, даваемое пастором.

Кроме того, во многих общинах заметили, что очень полезно в начале богослужения ввести своего рода вступительную молитву, которая помогала бы верующим «перейти» от повседневной жизни к присутствию перед лицом Бога.

Сегодняшнее исповедание грехов и их отпущение является производной этих трех исторических элементов (а также и еще некоторых, менее значительных). В разных общинах эта часть богослужения может формулироваться и выстраиваться очень по-разному. Где-то она звучит именно как вступительная молитва, настраивающая верующих на богослужение и, среди прочего, включающая в себя исповедание их несовершенства и недостойнства. Где-то она формулируется как признание верующими своей греховности и просьба о милости Божьей. А где-то она – это действительно ясное и четкое общее исповедание грехов с последующим прямым и действенным их отпущением со стороны пастора.

В любом случае важно: эта молитва показывает, что наши отношения с Богом отнюдь не безоблачны. Как грешники, мы не можем вести идеальную жизнь в мире и более того, заслуживаем вечный гнев Божий, поскольку постоянно отворачиваемся от Него. Единственная наша надежда в Его беспредельном милосердии. Таким образом, исповедальная молитва в любой своей форме показывает суровую серьезность того, что происходит на богослужении и позволяет на этом фоне еще ярче сиять евангельскому свету.

«Господи, помилуй»

В XIX веке в ходе «Литургической реставрации» эту часть присоединили к исповедальной молитве в качестве ее усиления. До сих пор во многих наших порядках это соединение сохраняется, как дань традиции. Однако с исторической и богословской точки зрения «Господи, помилуй» — это самостоятельная часть богослужения.

Интересно, что она имеет еще дохристианское, языческое происхождение. Этими словами «Kyrie, eleison» («Господи, помилуй!») в античном мире приветствовали солнце на восходе, а также римского императора. Это восклицание – не только и не столько просьба о помощи, сколько выражение своего смирения и прославление великого властителя. Уже самые первые христиане переняли это восклицание, только обратив его ко Христу, истинному Свету и истинному Царю. Соответственно, и до сего дня это пение звучит на наших богослужениях, славя Христа и исповедуя Его как Спасителя: «Господи, помилуй! Христе, помилуй! Господи, помилуй!».

То, что на наших богослужениях присутствуют элементы, которые имеют языческое происхождение, показывает, какой сложной и многоплановой с исторической точки зрения является христианская традиция, а также опосредовано может подсказать нам, что порой полезно быть открытым, внимательным и к иному религиозному опыту, что и в иных традициях можно найти нечто важное и полезное.

«Слава в вышних Богу»

Любой знающий Писание человек узнает в этих словах ангельскую весть, которая, согласно Евангелию от Луки, прозвучала с небес в рождественскую ночь (Лк 2, 14). Эта часть богослужения, которая традиционно звучала сразу после «Господи, помилуй» свидетельствует нам о приходе Спасителя, а, значит, и надежде для всего человечества. Словно пастухи на вифлеемском поле мы, после долгого ожидания, слышим ошеломляющую радостную весть. Граница между небесами и землей исчезла, мы сплетаем свои голоса с ангельским пением.

В Средние века священник на этом месте произносил ангельскую весть целиком («Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!»), а затем присоединял к ней длинное славословие, дополняющее и раскрывающее ее. В эпоху Реформации этот комплекс часто целиком заменяли переложением в виде общинного песнопения.

В итоге, в большинстве наших общин устоялась смешанная традиция, когда пастор произносит или поет первую часть ангельской песни: «Слава в вышних Богу!», а община отвечает пением первой строфы хорала Николая Дециуса 1523 г. «Да будет Богу в вышних честь» (могут использоваться разные переводы), который и был изначально задуман как переложение ангельской песни и последующего славословия.

На Страстное время (Великий пост) и в большую часть воскресений Адвента (предрождественского времени) эта часть выпадает, поскольку данные периоды церковного года имеют более спокойный и менее радостный характер.

Молитва дня (Коллекта)

В этой короткой и обычно выстроенной по четкой схеме молитве пастор от имени всей общины подводит итог тому, что до сих пор происходило на богослужении (отсюда и название «Коллекта», т. е. «собирательная»). Содержание молитвы соответствует характеру воскресенья и часто затрагивает темы, которые прозвучат затем в библейских чтениях, тем самым подготавливая общину к слушанию Писания.

Благодарственная молитва, которая совершается в конце богослужения перед благословением, строится похожим образом и подводит итог уже всему богослужению под знаком благодарности за пережитое на нем.

Библейские чтения

Чтение из Священного Писания было неотъемлемой частью уже самых первых христианских собраний (Разумеется, тогда это были только чтения из Ветхого Завета, поскольку Нового еще не существовало). Оставалось оно важным и на протяжении всей последующей истории христианского богослужения.

Особое значение оно приобретает в протестантских церквях, в том числе и в лютеранстве. Священное Писание играет в нем центральную роль и является важнейшим авторитетом в вопросах веры.

Библия была для Мартина Лютера, в первую очередь, не сборником правил, наставлений и догматических высказываний, а бесконечно ценной сокровищницей образов, высказываний, историй, которые ярко свидетельствуют о спасении, что дается нам в Иисусе

Христе. «Изыми из Писаний Христа, и что ты там найдешь?», - восклицал Лютер.

При этом Библия (в отличие от постоянно меняющейся церковной традиции) не находится в нашем распоряжении, мы ничего не можем поменять в ней по своему усмотрению. Она нам *дана*, и мы над ней не властны. Своей задачей великий реформатор видел выпустить Библию «на волю», открыть ее в ее первоизданном виде: без сглаживания острых углов, без множества перетолкований, без внешнего контроля. Поэтому чтение Писания на богослужении имеет огромный критический потенциал, часто звучит вызовом окружающему миру, да и нам самим.

Сегодня на богослужении может звучать от одного до трех библейских чтений: из Ветхого Завета, из апостольских Посланий и из Евангелия. Список чтений на каждое воскресенье закреплен в Агенде (служебнике), хотя, конечно, и не является непререкаемым законом.

Читать Библию может как пастор, так и подготовленные к этому члены общины. При этом важно, что община получает возможность Библию именно *услышать*. Сегодня мы большей частью читаем книги только глазами, про себя. А библейские тексты изначально были предназначены для чтения вслух. Соответственно, нет необходимости в том, чтобы прихожане следили за чтением по своим личным Библиям. Им, скорее, следует воспринимать слово Писания, как оно и задумано – на слух. Это может открыть в Писании новые грани и оттенки.

Обычно библейские чтения сопровождаются определенными литургическими элементами, например, хоралами, пением «Аллилуйя» или «Слава Тебе, Христе». Все это остатки больших, древних литургических элементов, значение которых сегодня уже не всегда осознается. Например, пение «Аллилуйя» после чтения

фрагмента апостольских Посланий изначально являлось не ответом общины на этот текст, а ее приготовлением к чтению Евангелия.

Символ веры

«Символами веры» именуют древнецерковные тексты, являющиеся краткими обобщениями содержания того, во что мы верим. Наиболее известны *Никео-Константинопольский символ веры*, окончательно сформулированный в 381 г. и являющийся частью православной Божественной литургии и *Апостольский символ веры*, более распространенный на христианском Западе. Именно его мы обычно и произносим или поем на богослужении всей общиной. По легенде он был составлен еще двенадцатью апостолами, но на самом деле возник позже, примерно в V веке и использовался, прежде всего, на Крещении: его словами крещаемые перед совершением Таинства свидетельствовали о своей вере.

Сегодня на наших богослужениях Апостольский символ веры звучит как ответ на возвещенное нам Евангелие и как «декларация» общины перед лицом плюралистичного мира о том, что является для нее наивысшей ценностью.

Некоторые формулировки Символа веры сегодня могут показаться немного архаичными, и отдельные акценты на основании богословского опыта прошедших полутора тысячелетий можно было бы расставить иначе. Однако это не мешает нам, произнося Символ веры, присоединяться к голосу древней Церкви и, тем самым, свидетельствовать о живой преемственности нашей веры по отношению к раннему христианству.

Проповедь

Проповедь, наряду с Причастием, есть центральный элемент нашего богослужения. Она, как правило, основывается на конкретном библейском тексте и через сопоставление этого текста с ситуацией слушателей стремится заново открыть им весть о Божьей любви. Важно помнить, что проповедь с точки зрения лютеранского богословия – это не урок, не наставление, не лекция, а живое провозвестие спасения, данного нам во Христе.

Поскольку мы снова и снова отпадаем от веры, т. е. снова и снова ищем путей, как своими усилиями угодить Богу, то нас постоянно нужно возвращать ко Христу, который один оправдывает нас перед Богом. Для этого нужна проповедь, т. е. актуальное провозвестие Христа, обращенное к конкретным людям в конкретное время, понятное и доступное им здесь и сейчас.

Главная задача проповедника – не научить своих слушателей чему-либо полезному, не дать им богословские знания, не призвать их к правильному поведению (хотя все это тоже может иметь место), а помочь им с новой силой и остротой ощутить Божью милость и любовь, заново пережить свое спасение.

Продолжительность, язык и стиль проповеди могут быть разными. Но важно, чтобы в человеческом слове проповедника, невзирая на все его ограничения и ошибки, звучало действенное и спасительное Божье Слово.

Большая церковная молитва

Данная часть богослужения может принимать разные формы. Но в любом случае, как правило, это довольно длинная молитва, которую читает пастор, а община включается в нее своими заранее предусмотренными репликами. Большая церковная молитва строится по принятому в той или иной общине образцу, но может и должна постоянно актуализироваться в зависимости от конкретной ситуации, в которой живет община, ее конкретных потребностей, радостей и тревог. Более того, в этой молитве община обращается к Богу не только со своими нуждами, но и молится об окружающем мире, о его благополучии. Так христиане выражают свою солидарность с другими людьми и со всем Божьим творением.

В Церковной молитве могут присутствовать и прошения, касающиеся отдельных прихожан и их близких с их конкретными нуждами. Это могут быть молитвы о выздоровлении от тяжелой болезни, просьбы о благословении на новой работе или в начале семейной жизни и т. п. Но не нужно злоупотреблять такой возможностью. Молитве всей общины стоит препоручать только то, что действительно может затронуть присутствующих на богослужении и вызвать у них искренний отклик.

Большая церковная молитва показывает, что повседневная жизнь общины и окружающего мира – не нечто пустое, суетное, «мирское». Она небезразлична Богу. Бог обращается к нам настоящим, а не выдуманным. Он имеет дело с нами не как с некими «абстрактными христианами», а как с живыми людьми, живущими своей обыденной и потому реальной жизнью. Богу важны наши повседневные горести и радости. Они – не препятствие для наших отношений с Ним, не то, от чего нужно отвлечься, чтобы погрузиться в «возвышенно-духовные» сферы. Скорее, наоборот, в них и через них Бог говорит с нами и действует в нашей жизни.

«Отче наш»

Текст этой молитвы восходит к самому Иисусу Христу. С небольшими вариациями он зафиксирован в Евангелии от Матфея (Мф 6, 9-13) и в Евангелии от Луки (Лк 11, 2-4). В личной и богослужбной молитвенной практике христиане всех конфессий обычно используют текст из Евангелия от Матфея.

С давних времен эта молитва входит в причастную часть богослужения. Если же Причастие в данное воскресенье отсутствует, то «Отче наш» завершает собой Большую церковную молитву.

Молитва, оставленная нам Христом, выделяется на фоне молитв того времени своей краткостью и простотой. Но вместе с тем она включает в себя все самое важное, с чем мы можем обратиться к Богу. Поэтому «Отче наш» всегда оставалось образцом и наставлением для христианской молитвы в целом. На богослужениях, особенно эпохи Реформации, нередко использовались его парафразы. Но и сам классический текст «Отче наш» является величайшей драгоценностью: молясь им, мы молимся в самом буквальном смысле вместе со Христом, а заодно и со всеми поколениями христиан. Именно поэтому он является обязательной частью любого богослужения.

В отличие от православной или католической Церквей, в лютеранстве заключительные слова «Ибо Твое есть царство, и сила, и слава во веки» воспринимаются и читаются как составная часть «Отче наш»

Сбор пожертвований

В разных общинах пожертвования собирают по-разному. Иногда прихожане просто опускают их в соответствующий ящик при выходе из церкви после богослужения. Но чаще их собирают во время службы, как правило, между проповедью и Причастием. И та, и другая практика имеет свои плюсы и минусы. Важно, однако, помнить: речь идет о чем-то принципиально другом нежели обычные сборы денег, например, в школах или садоводствах или даже донаты общественным и благотворительным организациям.

В христианстве пожертвования имеют более глубокое значение и являются важной частью именно богослужебного действия. В первохристианских общинах верующие приносили с собой из дома на богослужения различные продукты. Из этих приношений прямо на месте отбирались вино и хлеб для Причастия, а остальное затем отдавалось нуждающимся. Таким образом, пожертвования изначально неразрывно связаны с Таинством Тела и Крови Христовых.

Сегодня мы в силу изменившихся жизненных обстоятельств совершаем наши пожертвования деньгами, но их суть от этого не поменялась. Наши пожертвования – не «взнос» и не «донат». Они – это богослужебная жертва, которую мы приносим ради жизни Церкви и на благо нашим ближним, жертва, совершающаяся перед лицом Бога, в Его присутствии. Пожертвования священны. Через них мы физическим образом вовлекаемся в происходящее на богослужении и даже более того, в историю отношений Бога и людей.

Причастная часть

Поскольку наше богослужение выросло из застольных встреч первых христиан, то Причастие составляет глубинный центр богослужения, тот «гвоздь», на котором все оно держится. Однако в лютеранстве во многих общинах сложилась традиция, согласно которой Причастие совершается не каждое воскресенье. В этом есть определенный смысл: богослужение без Причастия помогает лучше сосредоточиться на проповеди и на других литургических элементах. Но все-таки причастное богослужение является наиболее естественной формой богослужения в лютеранской Церкви с богословской точки зрения.

Повторим, что Причастие в лютеранстве – это то же провозвестие спасения и прощения грехов, только переданное человеку не в словесной, а в еще более материальной форме. В причастных хлебе и вине реально присутствует сам Христос со своим даром Божьей любви. С хлебом и вином человек буквально и физически ест и пьет данное во Христе спасение.

Лютеранству чуждо представление о том, что для Причастия нужно сначала «очиститься». Наоборот, в Причастии особенно нуждаются те, кто наиболее остро ощущает свою вину и потребность в утешении и Божьей милости. В Таинстве они получают личное и материальное уверение в прощении и спасении.

Тем не менее, Причастие – это не только индивидуальный акт, но и дело всей общины. Поэтому для его принятия существуют определенные правила. К Причастию обычно не допускаются некрещенные, а также люди, публично отрицающие христианское вероучение или ведущие скандальный образ жизни.

Вопрос о том, является ли конфирмация обязательной предпосылкой для допуска к Причастию, а также о том, могут ли причащаться дети, остается открытым и решается в отдельных Церквях и общинах по-разному.

Структура причастной части богослужения обычно довольно сложна и состоит из множества элементов, часть которых является очень древними.

- Короткий диалог перед Причастием («Господь да будет с вами – И с духом твоим; Вознесите сердца ваши – Вознесем ко Господу; Возблагодарим Господа Бога нашего – Это достойно и праведно») восходит еще к первым векам христианства. Он настраивает верующих на то, что сейчас будет совершаться, напоминая о присутствии Господа, святости происходящего и о благодарности Ему.
- Префационная (т. е. «подготовительная») молитва («Воистину достойно и праведно...»), а также следующее за ней пение общины («Свят, свят, свят...») показывают, что совершающееся сейчас распаивает границы церковного помещения и открывает их небесам. Сам Господь и Его бесплотные силы наполняют церковь. Об этом как раз и свидетельствуют слова песнопения «Свят, свят, свят...», взятые из описания явления Господа в храме, которое дается в книге Исайи (Ис 6, 1-8).
- Молитва о Святом Духе (эпиклеза) сегодня звучит на большинстве наших богослужений лишь очень кратко. Богословы спорят о том, на что именно призывается Святой Дух: на причастные хлеб и вино или на общину. На самом деле мы молим о том, чтобы Святой Дух наполнил собой все происходящее,

чтобы Он стал тем порывом, который будут двигать весь процесс причастной трапезы, подобно тому, как благодаря ветру, наполняющему паруса, движется вперед корабль.

- Пение «Христос, Агнец Божий...» изначально сопровождало процесс преломления священником целого хлеба или большой облатки и продолжалось до тех пор, пока все не будет преломлено полностью. В любом случае эти слова Иоанна Крестителя из Ин. 1, 29-30 («Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира»), переложенные в виде молитвы указывают нам на жертву, которую принес Христос и на то, что она дает нам: милость и мир.
- Слова установления («Господь наш, Иисус Христос в ту ночь, в которую Он предан был...») – это главный элемент причастной части богослужения. Этот текст, который пастор произносит или поет, представляет собой компиляцию из нескольких мест Нового Завета, описывающих последнюю Вечерю Христа с учениками. Именно эти слова делают Таинство действенным и действительным. Однако их нельзя понимать как магическую формулу или заклинание. Они не «превращают» причастные хлеб и вино в Тело и Кровь и Христа. Они показывают и устанавливают связь между той Вечерей и нашей сегодняшней трапезой, объявляют о том, что наше Причастие является прямым продолжением той Вечери. Самое же главное в том, что они возвещают: то, что совершил Иисус Христос, Он совершил *ради нас*. Слабое сравнение, но оно может помочь: вы ждете девушку на свидание в кафе. Заранее купленные цветы стоят в вазе на столе. Девушка приходит и садится за стол. Вы показываете на цветы и говорите: «Это для тебя!». Так цветы для нее из простых растений превращаются в подарок, проявление любви. Нечто подобное, только на еще более глубоком уровне

происходит и с причастными хлебом и вином. Они становятся для нас реальными носителями спасения, Божьей любви, которые открылись нам в умирающем на кресте Теле и пролитой Крови Христа.

- Организация процесса собственно причащения может быть очень различной. Важно то, что в лютеранстве оно, как и заповедано Христом, осуществляется «под двумя видами»: хлебом и вином. В последнее время вино в некоторых общинах нередко заменяют виноградным соком. Но это неоднозначная практика: сок не имеет того глубокого и сложного символического содержания, как вино, и потому в таком случае страдает выразительная сила Таинства. Если кто-либо по медицинским или иным соображениям не может употреблять алкоголь, то ему лучше просто причащаться только хлебом.

Благословение

В лютеранской традиции, как правило, в конце богослужения используется Аароновское благословение (Числ 6, 24-26): «Да благословит тебя Господь и сохранит тебя...». Эти древние слова укрепляли и утешали Божий народ еще в дохристианские времена.

Благословение – это не просто ни к чему не обязывающее доброе пожелание. Но это и не заклинание. Действенность благословения находится по ту сторону обоих. Благословение обладает реальной силой. Но эта сила реализуется в области отношений. Если вы признаетесь кому-то в любви, то это не просто информация, а слова, являющиеся носителями любви. Произнося (особенно впервые) «Я люблю тебя», вы решительно и более чем реально меняете ситуацию ваших отношений с любимым или с любимой. Однако здесь нет никакой сверхъестественной магии. Примерно так же обстоит

дело и с благословением. Это слова, наполненные Божьей любовью и милостью. Теперь они будут сопровождать верующих и помогать им среди их повседневной жизни. Поэтому и нам всем важно не «пропускать эти слова мимо ушей», а принимать их всем сердцем и учиться видеть себя, окружающий мир и нашу жизнь в их свете.

Богослужение – это наш диалог с Богом. И это настоящий диалог. Его слова – больше, чем просто слова. В них реальная сила, реальный суд над грехом и реальное благословение мира. На богослужении мы погружаемся в реальность Божьего Царства, но вместе с тем это погружение не предполагает уход от повседневной жизни. Богослужение – это праздник встречи неба с землей. Земля преобразуется в небесном свете, а небо открывается земным вопросам, нуждам и радостям. Помочь ощутить это и есть задача данной книжки.